

Губернская администрация и местное дворянство в Курляндии в середине XIX в.

Н.А. Могилевский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье на примере конфликта курляндского губернатора П.А. Валуева с прибалтийским дворянством, случившегося в 1857 г., рассматривается правовое положение прибалтийского дворянства в Российской империи. Главным вопросом, рассматриваемым в работе, является проблема взаимоотношений имперского центра и национальных окраин в середине XIX в., в свою очередь, тесно связанная с итогами Северной войны (1700–1721), завершившейся для России победой над Швецией и присоединением входивших ранее в Шведское королевство Эстляндии и Лифляндии.

Местная аристократия получила от российской власти гарантии сохранения всех привилегий, что ставило её в несколько иное положение, нежели дворянство внутренних российских губерний. При Екатерине II, когда в состав России была включена Курляндия, эти привилегии были распространены и на курляндских баронов. В XIX в., при Николае I и Александре II, все «права и вольности» прибалтийских дворян также неизменно подтверждались. В итоге сложилась ситуация, при которой немецкие бароны считали себя связанными личными обязательствами с русским монархом. Такая ситуация, типичная для средневековой феодальной Европы, шла вразрез с российской вотчинной социально-политической моделью, что вызывало раздражение у российской элиты. Особое положение курляндского дворянства, в конечном счёте, привело к столкновению с губернатором П.А. Валуевым, который, действуя в рамках законодательства, старался установить в губернии общеимперские порядки. В столкновение оказались втянуты генерал-губернатор Прибалтийского края А.А. Суворов, министр внутренних дел С.С. Ланской и сам император Александр II. И хотя в конечном счёте позиция Валуева восторжествовала, а его оппонент барон Ган был вынужден оставить пост курляндского предводителя дворянства, в целом это ситуацию никак не изменило. Рассмотренная в статье модель отношений «центр – окраины» позволяет глубже проанализировать те трудности, с которыми столкнулась местная администрация в Прибалтийском крае при попытке унификации местной системы управления с общеимперской. Основным выводом статьи может считаться тезис о том, что российская центральная власть в лице губернатора и генерал-губернатора не решилась идти на резкий слом существовавшей модели управления, при которой

УДК: 94, 353

Поступила в редакцию: 30.04.2022

Принята к публикации: 08.08.2022

местная элита (дворянство) имело существенное влияние на ситуацию в регионе. Курляндия, наряду с другими прибалтийскими губерниями, осталась особой территорией на политико-правовом пейзаже Российской империи.

Ключевые слова: Прибалтийский край, Курляндия, Валуев, Александр II, привилегии, остзейское дворянство, Суворов

Одним из главных итогов Северной войны (1700–1721) стало утверждение России в статусе империи, причём не столько формально, сколько сущностно. Благодаря победам над шведами у бывшего Московского царства появились владения (Эстляндия и Лифляндия), имевшие совершенно иное социокультурное и политическое развитие. Присоединение Курляндского герцогства было лишь делом времени. Екатерина II, которой выпало на долю завершить многие петровские начинания, в 1795 г. присоединила к империи последнюю независимую прибалтийскую территорию – Курляндское герцогство. При этом ещё Петру I, а впоследствии и его преемникам, пришлось столкнуться с непростым вызовом: требовалось выстроить модель управления новыми территориями, инкорпорируя новые провинции в общеимперскую политико-правовую систему, не спровоцировав в них при этом центробежных тенденций.

Выбор стратегии был, само собой, всецело в руках российских государей, а вот реализовывать её на местах предстояло непосредственным полномочным представителям высшей власти – генерал-губернаторам и губернаторам. В отличие от внутренних губерний, где центральная власть и её агенты на местах могли рассчитывать на помощь дворянства¹, в Остзейском крае (как часто называли прибалтийские губернии) картина складывалась иная. Местная аристократия – немецкие бароны – фактически противостояла центральной власти, причём оппозиция эта была подспудной и при этом весьма эффективной. Но порой противостояние власти и дворянства в прибалтийских губерниях получало огласку, гулко разносясь по всей стране.

Конфликт губернатора П.А. Валуева с курляндским дворянством, случившийся в 1857 г., привлекает внимание прежде всего своей типичностью. В нём аккумулированы все те противоречия и несовершенства российской имперской модели, которую царская власть старалась выстроить в Прибалтике. Показателен он и с точки зрения анализа методов борьбы местной аристократии с попытками включить прибалтийские губернии в общеимперскую административную систему.

¹ «Доброе согласие» губернской администрации и дворян там также не стоит переоценивать – между ними часто существовали трения, как правило, довольно серьёзные. См., например, воспоминания орловского губернатора В.И. Сафоновича: *Орловский гражданский губернатор В.И. Сафонович*. 2004. Орёл. С. 26.

Основные задачи этой статьи можно сформулировать следующим образом: 1) выяснение правовых основ политического взаимодействия местной аристократии с губернской властью; 2) рассмотрение общей управленческой стратегии российской центральной власти по отношению к Остзейскому краю; 3) определение основных конфликтных вопросов, возникавших между прибалтийским дворянством и представителями центральной власти, а также описание способов их разрешения на примере противостояния курляндских баронов губернатору П.А. Валуеву.

Правовые основы существования Курляндии в составе Российской империи

Обратимся к проблеме правовых основ вхождения Остзейского края – и в частности, Курляндии – в состав Российской империи. Прежде необходимо сказать два слова о социальной структуре местного общества. Она была вполне традиционна: дворяне обладали всей полнотой прав, закреплённых за ними разнообразными и многочисленными грамотами и статутами польских и шведских королей (Остзейский край принадлежал в разные времена то Польше, то Швеции), в то время как крестьянство практически никаких прав не имело. По сути, в регионе сохранялись в полной мере средневековые устои и традиции, причём не только в сельской местности, но и в городах. Ситуация в целом очень напоминала российские реалии, но с одним существенным отличием: местное дворянство, на которое, казалось бы, и должна была опираться верховная власть, было этнически, культурно и конфессионально чуждо российскому самодержавию. Следовательно, перед петербургской администрацией стоял важнейший вопрос выбора модели наиболее эффективного управления краем.

Вариантов, по существу, было два: либо полностью отобрать у местной аристократии все нити управления, введя в крае фактически наместническую власть (тем самым рискуя ожесточить дворянство), либо действовать мягко, оставив местным баронам привилегии в обмен на их верную службу короне. В условиях Северной войны Пётр I без колебаний избрал второй вариант, закреплённый и в «Договорных пунктах» с «шляхетством и земством герцогства Эстляндского», и в Жалованной грамоте «дворянству княжества Лифляндского»². Этот же подход зафиксирован в 9 параграфе Ништадтского мира, гарантировавшем «всем жителям провинций Лифляндских и Эстляндских» «постоянную и неколебимую» защиту всех их прошлых прав и привилегий³. Так со времён Петра эстляндская и лифляндская аристократия закрепила за собой особые права в рамках Российского государства (Красняков 2018: 6, 10).

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. 1649–1825 гг. №2299, №2301.

³ Под стягом России. 1992. Сборник архивных документов. Москва. С. 124.

Как уже было сказано, Курляндия была присоединена к России спустя 75 лет, в 1795 г., также получив от Екатерины II гарантии прежних установлений. Новым подданным государыня обещала «не токмо свободное исповедание веры от предков вами наследованной», но и что «права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая в целости соблюдены будут». Правда, в екатерининской версии «договора» содержалось важное отличие от петровского варианта. Исторические права и привилегии местных жителей сохранялись, но при этом «каждое состояние народное вышеозначенных областей имеет пользоваться и всеми теми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древние подданные российские по милости наших предков и нашей услаждаются»⁴. Этот пассаж принципиально важен. Под завуалированным (и даже изящным) выражением «каждое состояние народное» подразумевались прежде всего крестьяне, получавшие шанс избавления от мрачного средневекового крепостного быта. Ещё больше выгод эта фраза сулила горожанам, давая им возможность воспользоваться благами Жалованной грамоты городам 1785 г. Однако все эти благие намерения остались лишь на бумаге: сразу же после смерти императрицы её преемник Павел I «восстановил, за некоторыми исключениями, прежний порядок вещей»⁵.

Первая серьёзная попытка пересмотра остзейских привилегий была осуществлена в 1845 г., когда вышел «Свод местных узаконений губерний Остзейских, повелением государя императора Николая Павловича составленный». Этот шаг формально вполне вписывался в общую политику унификации и кодификации всех сторон жизни государства, проводившуюся при Николае I. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что ни о каком существенном ограничении прежних прав и свобод местной аристократии говорить не приходится. В Своде, конечно, подчёркивалось, что «законы Империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями»⁶. Но при этом – в полном соответствии с бытовавшими традициями – на откуп местной элите были отданы все важнейшие вопросы внутренней жизни: «1. Особенное учреждение некоторых властей и мест губернского управления; 2. Права состояний; 3. Законы гражданские; 4. Порядок гражданского судопроизводства; 5. Порядок уголовного судопроизводства»⁷. Тем самым, вместо более плотной интеграции прибалтийских губерний в правовое и административное поле империи, опять был подтверждён их *status quo*. Сторонники русификации Остзейского края видели в этом заслугу местной аристократии, сумевшей навязать свою позицию верховному правительству: «Можно смело сказать, что

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. №17319.

⁵ Дневник графа П.А. Валуева 1847–1860, 1866–1884. 2015. Саратов. С. 757.

⁶ Свод местных узаконений губерний Остзейских, повелением государя императора Николая Павловича составленный (далее – Свод...). 1845. Санкт-Петербург. Ч. 1. Ст. 1–2.

⁷ Свод... Ч. 1. Ст. 3.

балтийская интеллигенция сама себе сочинила Свод местных узаконений, по своему вкусу...» (Самарин 1869: 52).

В дальнейшем власть придерживалась выбранной модели: в самом начале своего правления Александр II подтвердил все права и вольности дворян трёх прибалтийских губерний, заверив последних, что всё «сохранено и удержано будет без малейшей от нас перемены»⁸. К тому подталкивали и внутривнутриполитические соображения, и внешнеполитические реалии. Начавшееся усиление Пруссии, ставшей центром объединения немецких земель, вынуждало российскую власть ещё раз задуматься об опасности излишнего административного давления на национальные окраины империи. Бароны очень ловко использовали опасения петербургских министров: подчёркивая преданность *dem Deutschthum* (германизму), они никогда всерьёз не помышляли о выходе из состава Российской империи, но эффективно и ловко использовали фантомный страх русских властей для защиты *status quo* в регионе – т.е. «тех привилегий, которые доставляли им владычество над большинством местного населения и немалые материальные выгоды» (Остзейский комитет... 1915: 154). В итоге, как справедливо отмечал П.А. Шульц, служивший 10 лет (1855–1865) делопроизводителем Остзейского комитета⁹ в Санкт-Петербурге, правительство в Остзейском крае было вынуждено «согласовывать интересы местные и общие, государственные» (Остзейский комитет... 1915: 150).

Правительственная управленческая стратегия в Курляндском крае

Подтверждая права и привилегии балтийских дворян, верховная власть взамен требовала платы – разумеется, не деньгами, а, как и было принято на Руси, «конно, людно и оружно». Ещё в петровской Жалованной грамоте лифляндским баронам говорилось: «Мы за справедливо рассудили, на их [лифляндского дворянства – Н.М.] покорнейшее справедливое прошение [о сохранении прежних привилегий – Н.М.] императорской милостью позволить, дабы тем помянутое рыцарство и земство и оных потомство таким образом толь паче побуждены были присяжную подданническую верность, усердными добрыми услугами и по требованию времени и кровью и животом своим утвердить...»¹⁰. Как видно, взаимоотношения прибалтийского рыцарства (или дворянства) и российской верховной власти выстраивались на началах феодальных, по сути, средневековых. «Помянутое рыцарство» фактически признавало своим сеньором российского государя, обязуясь служить ему (не Российскому государству) в обмен на известную (и довольно широкую) автономию.

⁸ ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). №№ 30185–30187.

⁹ Остзейский комитет для рассмотрения вопросов землевладения в Остзейском крае был создан по указанию императора Николая I в 1846 г., распущен в 1876 г.

¹⁰ ПСЗРИ. Собрание первое. №2301.

Особое отношение прибалтийских дворян к императору заметил тот же П.А. Шульц: «В отношении же к России у наших немцев, даже сделавшихся русскими сановниками, – особый кодекс чувств и воззрений. Верноподданнические чувства сосредотачиваются на одной личности государя, не обнимая общих интересов отечества, т.е. России; а то случается, что и личная преданность эта государю, бывает как-то условна, поддерживаясь во всей силе лишь до тех пор, пока государь блюдет местные интересы и уважает местные остзейские особенности, отнюдь не жертвуя ими общим государственным интересам» (Остзейский комитет 1915: 149). Ему вторил известный балтийский публицист, вице-президент Лифляндского гофгерихта¹¹ Г.В. фон Бокк: «Помните, что мы чтим в своём государе не императора Всероссийского, а Лифляндского герцога, свободного от всякого односторонне русского давления»¹².

В русской традиции служить государю следовало не «за страх» (по букве договора), а «за совесть» (по внутреннему убеждению). Разумеется, европейский феодализм с его отношениями «вассал – сеньор», чёткой иерархией и разветвлёнными социальными связями был чужд российскому общественно-государственному укладу, который сформировался из зачатков вотчинного уклада (Пайпс 1993: 44, 82; Черникова 2019: 119, 160). Разницу между верностью прибалтийских баронов и «истинно русской» ярче всех выразил автор передовицы газеты «Москва» (издававшейся И.С. Аксаковым): «... Русская верность и преданность имеют уже то преимущество, что они не ставят себя в цену, не кладут себя на весы всякий раз, как приходится исполнять требование закона или верховной власти...»¹³. Мысль о том, что местное дворянство фактически изъято из общего административно-правового поля империи, раздражала многих русских аристократов. Ещё большее неприятие вызывало то, что вольности остзейцев были зафиксированы законодательно (замечу: именно эту особенность европейского феодализма в своё время Марк Блок (Блок 2003: 439-440) называл его ярчайшим отличием от всех других внешне схожих типов социально-политического устройства – например, японского).

И, хотя делалось это с одобрения государей и во имя единства державы, раздражение не убывало. «Можно сказать, что Россия позволила балтийским сословиям и обществам перевести с собою, чрез государственную нашу границу, весь юридический свой багаж, не подвергая его таможенному осмотру, и отложила обстоятельный перебор его до другого времени», – негодовал Ю.Ф. Самарин (Самарин 1869: 49).

В самом деле, для Российской империи такой опыт инкорпорации национальных элит был новшеством – прежде всего из-за страха тем самым под-

¹¹ Надворный суд.

¹² Цит. по: (Самарин 1869: 134).

¹³ Москва. Газета политическая, экономическая и литературная. 1867. №114 (4 октября).

толкнуть немецких баронов к сепаратизму. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и другого фактора – связей. Их в высших кругах российского бомонда у остзейских аристократов было достаточно (немало выходцев из остзейских аристократических семейств занимали высокие посты в столице – Остен-Сакены, Ливены, Бенкендорфы, Сиверсы, Палены, Корфы – это список можно продолжать). И пользовались они этими связями умело, тонко и расчётливо. Например, в разгар конфликта с курляндскими дворянами (о нём речь впереди) Валуев писал генерал-губернатору А.А. Суворову: «Впрочем, надежда на соотчичей, состоящих на службе в Петербурге, вообще занимает важное место в здешних понятиях и соображениях. С Петербургом всегда производится самая деятельная переписка. Известно, что оттуда присылаются выписки даже из конфиденциальных и секретных бумаг». Действительно, бароны, благодаря своим связям, узнали, что в докладе Валуева о старообрядцах говорилось, что лютеране «вообще склонны оказывать сектаторам [сектантам – Н.М.] какое-то особое соболезнующее покровительство» (Дневник графа... 1891: 76). Вместе с тем влияния этих заступников не стоит переоценивать – местные власти и так находились в Остзейском крае в весьма непростой, двусмысленной ситуации.

В отношении к местной аристократии губернаторы и даже генерал-губернатор были поставлены в изначально проигрышную ситуацию. Ещё с петровских времен всем «высоким и нижним в тех местах команду имеющим» предписывалось «никакого помешательства или предосуждения» вольностям местных дворян «не чинить». Более того, местным властям в обязанность вменялось эти привилегии «оборонять и охранять»¹⁴. В свою очередь, николаевский «Свод...» требовал: «В порядке управления губерниями остзейскими генерал-губернатор и гражданские губернаторы руководствуются особыми местными учреждениями и узаконениями, соображая их с правилами, постановленными для управления губерний в Общем Своде законов Империи»¹⁵.

«Соображение» это предполагало, по сути, не взаимодействие двух равных субъектов, а уступки одного (губернской власти) другому (дворянству). Эта ситуация возмущала и в целом довольно умеренного П.А. Шульца («гораздо удобнее сделать кое-что, – *выманив* [курсив автора, – Н.М.], а не вытребовав это кое-что у немцев» (Остзейский комитет... 1915: 145)), и куда более решительно настроенного Ю.Ф. Самарина («От этого при встрече с привилегией местные представители власти каждый раз становились в тупик и, повертев в своих руках непонятную для них грамоту, почти всегда отступались от самых справедливых своих требований из опасения нарушить что-то такое, в чём они не отдавали себе ясного отчёта, но чего боялись») (Самарин 1869: 54). Таким образом, каждый губернатор (и тем более – генерал-губернатор), отправляясь

¹⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. №2301.

¹⁵ Свод... Ч. 1. Ст. 5.

из Петербурга в Остзейский край, получал негласную инструкцию: «Делай, что хочешь, но чтобы там были довольны» (Остзейский комитет... 1915: 144-145). Вполне естественно, что администраторы всех уровней чаще всего предпочитали закрывать глаза на «несообразные привилегии», уклоняясь от конфликта с местной элитой.

Система управления Курляндской губернией

Административно Эстляндская, Курляндская и Лифляндская губернии подчинялись генерал-губернатору, являвшемуся высшим должностным лицом края¹⁶ (илл. 1). При этом в каждой губернии был собственный гражданский губернатор, подчинявшийся и генерал-губернатору, и Министерству внутренних дел. Все текущие дела (чаще всего хозяйственные) были в руках губернаторов, а генерал-губернатор осуществлял общий политический надзор над ситуацией в регионе и выступал посредником в случае конфликтов местного дворянства и губернских властей. От личности генерал-губернатора многое зависело, его мнение, в конечном счёте, оказывалось решающим для министров и самого императора. Не удивительно, что вокруг генерал-губернатора в Риге (где была его резиденция) складывалась особая атмосфера, в которой ему волей-неволей приходилось быть очень осторожным.

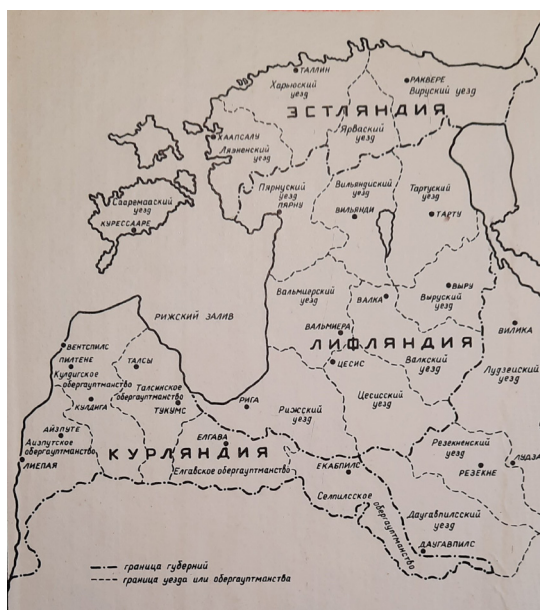

Иллюстрация 1. Прибалтийские губернии

¹⁶ Свод... ч. 1. Ст. 4.

«Приезжает генерал-губернатор в Ригу, как в немецкое царство – кругом порядки, законы, обычаи и люди все новые, особые. Окружат его представители местной интеллигенции и со всякой любезностью и лестью, но внушительно дают понять, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, что надо сообразоваться с писаными и неписаными их привилегиями и обычаями, спрашивая их же, в чём они заключаются, что если генерал-губернатор будет жить с ними ладно, то все пойдёт как по маслу, его будут превозносить и в Риге, и в Петербурге, благодаря их благоприятелям, что в противном случае, если генерал-губернатор станет мудрить и пойдёт им наперекор, – он на каждом шагу будет путаться, попадёт впросак, подвергнется сплетням, газетной клевете здесь и за границей, интригам в придворных и правительственных кругах, пока не сломят ему шеи», – живописал П.А. Шульц (Остзейский комитет... 1915: 144-145). Совершенно в том же духе описывал положение генерал-губернатора и другой знаток Прибалтийского края – Ю.Ф. Самарин (Самарин 1869: 65). Стоит добавить, что в аналогичную обстановку попадали и гражданские губернаторы каждой из прибалтийских губерний.

Окружённый внешне абсолютно ему послушными и подчёркнуто вежливыми прибалтийскими баронами, генерал-губернатор (и гражданский губернатор) попадал от них в полную зависимость. Дело в том, что своего штата служащих у высших чиновников края фактически не было и почти все ключевые посты занимали местные уроженцы, вполне естественно видевшие своей главной задачей обеспечение интересов собственного сословия, а не имперской администрации. Валуев вспоминал, что правитель его канцелярии, «родом курляндский дворянин, которому я притом не успел исходатайствовать ни одной награды, – мог бы быть наведён на мысль, что ввиду близкого моего удаления отсюда и открытой борьбы с дворянским представительством, уже не предстоит особой надобности облегчать мне собирание полных справок из дел моей собственной канцелярии» (Дневник графа... 1891: 76).

«Что же остаётся делать новому генерал-губернатору? Видит он, что многое не совсем ладно, за многое надо бы приняться серьёзно – но к кому обратиться? Кругом его, от правителя его канцелярии до последнего чиновника, – всё одни немцы, между коими затесался разве кое-где вполне угодный местной интеллигенции русский, ибо чистого русского туда не допустят, а если явится – ославят мошенником или красным и тотчас спровадят. Что же делать генерал-губернатору одному, без помощников, без верных исполнителей, без поддержки сверху, без твёрдой правительственной программы и инструкций, кроме обязанности уkontентовать [удовлетворить – Н.М.] во что бы то ни стало дворянство?» – задавался вопросом П.А. Шульц. И приходил к неутешительному для центральной власти выводу: единственной действенной моделью поведения в этой ситуации для генерал-губернатора и его подчинённых становился компромисс с местной аристократией.

Иллюстрация 2. Генерал-губернатор Прибалтийского края А.А. Суворов

Именно таким уступчивым администратором выглядел для многих генерал-губернатор Прибалтийского края Александр Аркадьевич Суворов (занимал этот пост в 1848–1861 гг.). «Гуманный внук воинственного деда» (как иронично аттестовал его Ф.И. Тютчев в стихотворении «Его светлости князю А.А. Суворову»), «человек красивый и представительной наружности, с открытым лицом и неудержимым языком, болтавшим всё, что приходило в голову, и не щадившим бранных эпитетов даже министрам, когда что было ему не по нутру» (Остзейский комитет... 1915: 140), он пользовался славой весьма противоречивой (илл. 2). Одни превозносили его за гуманность, мягкость характера и общую человечность (А.А. Корнилов, например, называет князя «гуманным и добродушным»¹⁷ (Корнилов 1993: 253)), столь мало свойственные деятелям николаевской эпохи. Другие указывали на нерешительность Суворова, его податливость и подверженность чужому влиянию, на отсутствие внятной позиции и элементарной рациональности. Тот же П.А. Шульц, многократно сталкивавшийся с Суворовым по делам Остзейского комитета, не щадил красок для портрета сановника. «Ещё там, в Риге, на словах он иногда, говорят, выставял себя охранителем правительственных интересов и даже заступался за крестьян в случае явной к ним несправедливости; но там, в Петербурге, в Остзейском комитете, он явно уже считал и выставял себя представителем интересов края [курсив автора – Н.М.], т.е. на самом деле не всего населения и не большинства его, а исключительно дво-

¹⁷ Корнилов А.А. 1993. Курс истории России XIX века. Москва: Высшая школа. 448 с.

рянства [курсив автора – Н.М.] и при случае – бюргерства, когда дело касалось городов. Затем он ораторствовал и горячился на тему, заданную дворянством; подписывал и представлял то, что писалось у него в канцелярии под влиянием того же дворянства, руководствовался личным впечатлением, а не серьёзным изучением дела; так что здесь при благоприятном настроении случайно удавалось убедить его согласиться иногда и на то» (Остзейский комитет... 1915: 140).

Ещё более яркий, живой портрет главного чиновника края нарисовал Н.С. Лесков, очень интересовавшийся остзейским вопросом и как писатель, и как публицист. «Нет никакого сомнения, что покойный князь Александр Аркадьевич не был человек зложелательный, но он не был и гуманист, и он не мог быть гуманистом, потому что "сам Бог был не властен в его мыслях", как сказано о нём рижскими раскольниками, выразившими в этих словах самую верную характеристику князя. Он был то, что называется добрый малый, или, одним словом, добряк, управляемый нервозностию, но не гуманный человек, подчиняющий свою мысль и каждое движение сердца закону всеблагого Бога, обитающего в сердцах, чтящих Его волю, выше которой не должно быть ничего на свете. Князь Суворов может служить примером, как ненадёжна та нервная доброта, какую владел он» (Лесков 1882: 199). Характерно, что и чиновник Шульц, и писатель Лесков сходились в главном: правление Суворова было для русского дела в Остзейском крае временем тяжёлым, потому что генерал-губернатор во всём потворствовал немцам. Но если Шульц полагал, что Суворов лишь «служил орудием в руках коноводов местных партий» в силу честолюбия и желания сохранить «худой мир» в Остзейском крае (Остзейский комитет... 1915: 141), то Лесков рассуждал иначе. «... Угнетая русских в Остзейском крае, он [Суворов – Н.М.] рабствовал не "немечине" в смысле предпочтительной национальности или культуры, которая бы ему нравилась, а он рабствовал аристократизму – потому что немцы здесь привилегированны, а он почитал себя обязанным стоять на стороне привилегированных людей» (Лесков 1882: 205).

Суворов зарекомендовал себя если не германофилом, то администратором, старавшимся лишней раз не возбуждать конфликтов с местными элитами, шедшим им навстречу во многих вопросах¹⁸. Многие патриотически настроенные современники объясняли это преклонением генерал-губернатора перед «немецким образованием» и вообще перед немецкой культурой в ущерб отечественным образцам (Лесков 1882: 205)¹⁹. Наблюдатели тонкие и глубокие отмечали, что у Суворова были и другие причины, более существенные, исключительно политические, вести себя в Остзейском крае осторожно и сдержанно. «Ибо, каким бы личным к себе доверием верховной власти Балтийский генерал-губернатор не пользовался, он не может не сознавать, что политическая его бу-

¹⁸ Показательна в этом отношении история разгрома им старообрядческого движения в Прибалтике. См.: (Лесков 1882: 189, 197).

¹⁹ Сам Лесков этой точки зрения категорически не разделял и с ней полемизировал.

дущность в значительной степени зависит от мнения, которое составителю в Риге, оттуда перейдёт в Петербург и там укоренится во влиятельных кругах; а репутацию администратора популярного, умеющего привлекать сердца к правительству или ненавидимого и возбуждающего всеобщее неудовольствие, составят ему, конечно, не латыши, не православное духовенство и не русские купцы, а дворяне и так называемая интеллигенция края, то есть те же представители местного провинциализма. При таких условиях всякий ли решится вступить с ним в борьбу?» (Самарин 1869: 136-137).

Конфликт губернатора П.А. Валуева с курляндским дворянством

«Вступать в борьбу» решался действительно далеко не всякий. За всё время, что прибалтийские губернии входили в состав Российской империи, конфликтные ситуации такого рода можно пересчитать по пальцам. Одним из противостояний губернатора и местных дворян стал конфликт курляндского начальника губернии П.А. Валуева (илл. 3) и местного предводителя дворянства барона Гана. Суть его такова.

Иллюстрация 3. Курляндский гражданский губернатор П.А. Валуев

В самом начале 1857 г. барон Ган на собрании ландтага²⁰ во всеуслышание объявил, что «честь и долг возбраняют ему дальнейшую службу при обстоятель-

²⁰ Ландтаг – орган сословного представительства, собиравшийся, как правило, трижды в год; в некоторых случаях могли быть созваны чрезвычайные ландтаги, но только «с разрешения губернского начальства»: Свод... Ч. 2. Ст. 328.

ствах, которые лишают его возможности быть полезным». Намёк был вполне прозрачен: барон открыто постулировал, что не желает далее нести службу при нынешнем губернаторе. Демарш предводителя дворянства нашёл единодушный отклик у его коллег, поднесших Гану на следующий день благодарственный адрес, в котором, помимо прочего, говорилось: «Дворянство взирает на будущность с трепетным беспокойством, но при том надеется, что при помощи монаршей тучи, угрожающие дворянству, рассеются» (Дневник графа... 1891: 71). Эта расплывчатая фраза на самом деле содержала в себе вполне явную угрозу обращения с жалобой на действия Валуева к императору. Иными словами, бароны вновь напоминали о своём особом месте в политико-правовом поле империи.

Что же послужило причиной такого обострения отношений предводителя дворянства и губернатора? Хорошо информированные сотрудники III Отделения были уверены, что всему виной недовольство барона Гана тем, что «губернатор не делился с ним властью»²¹. Схожим образом думал и сам Валуев. «Моя личность не замешана в дело ... Нападение направлено исключительно на начальника губернии, а в последнем подвергаются нападению только свойства русского и некурляндский взгляд на дела и на своё собственное положение. Здесь вкоренилась мысль, что дворянство *соуправляет* [разрядка автора, – Н.М.] губернией, что каждое действие губернского начальства наперёд обусловлено согласием дворянства или, по крайней мере, предварительным с ним совещанием», – объяснял курляндский губернатор своему непосредственному начальнику, генерал-губернатору А.А. Суворову (Дневник графа... 1891: 73). Действительно, у прибалтийских (в частности, курляндских) дворян было такое право: так называемое *Verfassungs-Recht* (конституционное право), т.е. исключительное право инициативы в законодательных преобразованиях. Во всех «внутренних» российских губерниях это право безоговорочно и исключительно принадлежало правительству, и только в Остзейском крае оно оспаривалось дворянством (Остзейский комитет... 1915: 154). Таким образом, претензии дворян на прямое и непосредственное участие в управлении краем имели под собой некие формально-юридические основания, хотя и не принимавшиеся в расчёт администрацией.

Ситуация для Валуева осложнялась и тем, что барон Ган, исполнявший должность губернского предводителя дворянства на протяжении двадцати лет, имел огромный авторитет и политический вес как в самой Курляндии (где, по словам Валуева, «успел постепенно утвердить за собой почти деспотическое влияние» (Дневник графа... 1891: 74)), так и в Петербурге. Во многом этому барон был обязан своим умением убедить курляндских аристократов в том, что исключительно его стараниями «приостанавливаемы были намерения и распоряжения правительства насчёт обрусения Курляндии и ниспровержения её

²¹ Государственный архив РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 28 об.

привилегий» (Дневник графа... 1891: 74). Имея высоких покровителей в столице, барон вёл себя в губернии по-хозяйски. В 1854 г., например, желая отставки вице-губернатора А.П. Беклемишева, Ган спрашивал у Валуева, кого бы он хотел видеть вице-губернатором. Это до глубины души возмутило последнего: «Как будто бы определение курляндских вице-губернаторов и удовлетворение желаний губернских начальников в этом отношении было представлено курляндскому губернскому предводителю дворянства» (Дневник графа... 1891: 74).

От глухих угроз на ландтаге барон Ган и его сторонники вскоре перешли к действиям. На имя генерал-губернатора они подали девять обвинительных пунктов, содержащих критику действий губернатора Валуева в делах управления. Жалобы эти весьма разнородны, но важнейшими представляются следующие: о «составлении в губернском правлении некоторых журналов на русском языке»; о «неучастии дворянского представительства в одном из собранных губернатором общем собрании палат»; об «исключительном праве дворянства быть церковными попечителями» (Дневник графа... 1891: 75). Характерно, что самому губернатору список с обвинениями представлен не был – пришлось Валуеву его «истребовать» через А.А. Суворова (Дневник графа... 1891: 76).

На что рассчитывал мятежный барон и его сподвижники, начав кампанию против губернатора? Сам Валуев давал такой ответ на этот вопрос: во-первых, уверенности придавало «монаршее благоволение, объявленное курляндскому дворянству во время Крымской войны, во время визита монарха в Митаву»; во-вторых, бароны мечтали, что Валуева сменит сын его предшественника, тогдашний лифляндский вице-губернатор фон Бреверн; наконец, на связи барона Гана, при которых Валуеву будет сложно «отстоять дело и оправдать свои действия» (Дневник графа... 1891: 73). Иначе говоря, курляндские дворяне, окрылённые поддержкой императора и наличием у них сильных заступников в столице, рассчитывали низвергнуть Валуева, поставив на его место своего протеже. Однако курляндский губернатор без боя сдаваться не собирался.

Ознакомившись с обвинительными пунктами, через несколько дней, к 1 февраля 1857 г., Валуев представил генерал-губернатору свои ответы на них. Правда, не на все, а лишь на три (про церковных попечителей, журналы на русском языке и неучастие дворян в собрании палат). В первом и третьем случаях Валуев ограничился рутинными фразами: в первом случае – дворяне сами затянули дело и не предоставили вовремя необходимых документов; в третьем – «призыв к этим собраниям никогда не исходит от меня, но от канцелярии губернского правителя». А вот ответ на претензию о ведении журналов на русском языке вышел весьма эмоциональным: «Это дело не подлежит обсуждению дворянства, и не говоря о том, что по принятой мною мере доведено до высочайшего сведения в моём всеподданнейшем отчёте за тот год, она признана правильной со стороны вашей светлости, потому что вы не изволили отменить оной, и со стороны министров юстиции и внутренних дел, потому что они оставили без внимания протест прокурора и асессора барона

Ливена²². Наконец, по этому предмету не было и не может быть никакой переписки с дворянством», – резюмировал курляндский губернатор²³.

С формально-правовой точки зрения, и Валуев, и барон Ган имели основания считать себя правыми. Курляндские бароны апеллировали к ст. 121 «Свода...», в которой говорилось: «В присутственных местах Остзейских губерний производятся дела вообще на немецком языке, кроме лишь мирских крестьянских судов, в коих оные производятся на местных по принадлежности языках леттском или эстском»²⁴. О русском языке, как видно, речь вообще не шла, хотя языковой вопрос давно уже был головной болью петербургского правительства. Не решаясь прямо ввести повсеместно его в употребление в Остзейском крае, правительство выпускало с завидной регулярностью постановления, обязывавшие местные власти использовать его при составлении служебных бумаг в присутственных местах. Именно на такое высочайше утверждённое положение Комитета министров от 3 января 1850 г. и ссылался губернатор Валуев. Постановление предписывало ввести «производство дел на русском языке во всех коронных присутственных местах Прибалтийского края»²⁵. И вновь налицо явно противоречивая политика: с одной стороны, правительство одобряло использование немецкого языка, с другой, – насаждало язык государственный. Именно подобные обстоятельства и позволяли местной аристократии чувствовать себя уверенно, давая им законные основания для противостояния губернской администрации.

Конечно, конфликты между дворянством и губернаторами случались и в великорусских губерниях, в этом как раз ничего нового не было (Могилевский 2021). В Курляндии же дворянство не просто конфликтовало с местными властями, но и выступало с критическим разбором ошибок и упущений, допущенных губернатором в делах управления, т.е. вторгалось в явно не свою компетенцию. Поступать подобным образом дворянам не было дозволено ни законами, ни самой сутью политической системы России. Судить и оценивать действия местных властей могло только (и исключительно!) высшее столичное начальство: министры и государь. Курляндские дворяне, принимая на себя не свойственные им функции, делали тем самым заявку на желание отобрать эти полномочия у столичных чиновников и самого императора.

Опытный и ловкий царедворец, прибалтийский генерал-губернатор тотчас понял, какими последствиями грозит демарш барона Гана и его приверженцев. В конфиденциальном отношении на имя министра внутренних дел С.С. Ланско-

²² По словам Валуева, барон Ливен в конфликте с губернской властью очень рассчитывал на помощь двоюродного брата, генерал-адъютанта В.К. Ливена, который, к слову, сменил А.А. Суворова на посту генерал-губернатора Прибалтийского края в 1861 г.: (Дневник графа... 1891: 76).

²³ *Российский государственный исторический архив* (далее – РГИА). Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Лл. 13-14.

²⁴ *Свод...* Ч. 1. Ст. 121.

²⁵ *ПСЗРИ*. Второе собрание. №23796.

го от 19 февраля 1857 г. А.А. Суворов убеждал того, что, во-первых, о каком бы то ни было сепаратистском мятеже речь не идёт («... Я неоднократно имел случай убедиться в превосходном расположении умов и в неограниченной преданности всех сословий [...] трёх губерний престолу и Отечеству»), и, во-вторых, злосчастное заявление 33 дворян на ландтаге о поддержке барона Гана ни в коей мере не является отражением общественного мнения²⁶.

В этих словах была доля истины. Мятежного барона Гана поддерживали далеко не все дворяне (Валуев писал, что некоторые уездные предводители, графы Медем и Коскуль «всегда защищали мои действия» (Дневник графа... 1891: 74)). Говорить о желании курляндского дворянства «отпасть» от России, чего так всегда боялись петербургские власти, тоже не приходилось. Весь вопрос заключался лишь в желании баронов вернуть себе бразды правления, от которых их отодвигал губернатор. Именно на это упирал генерал-губернатор Суворов в другом конфиденциальном послании Ланскому от 22 февраля 1857 года. «Что же касается породивших вышеозначенные беспорядки причин, то я могу со своей стороны усмотреть их лишь в неудовольствии представительства курляндского дворянства, или, точнее, барона Гана, против настоящего начальника губернии, устранившего дворянство от такого в делах участия, на которое оно, по силе существующих постановлений, не имеет никакого права, но которое было ему предоставлено в течение почти четверти столетия, вследствие принятой прежним губернским начальством и основанной на личном влиянии барона Гана привычке»²⁷.

Попытки Суворова смягчить реакцию в Петербурге помогли слабо. Управляющий Министерством внутренних дел С.С. Ланской, при всей своей мягкости и гуманности, был настроен весьма решительно. «Особенного внимания в этом неприятном случае заслуживает упоминаемый Вами, допущенный дворянством разбор действий начальника губернии и составление по оному обвинительных пунктов. Таковое неуместное вмешательство дворянства в распоряжения правительственные ни в каком случае не может быть терпимо и требует точнейшего разъяснения...», – настаивал он в отношении на имя А.А. Суворова от 21 февраля 1857 года. Во втором письме Суворову министр однозначно объявлял действия барона Гана и участвовавших в том членов ландтага «несогласными с законом», а выражения в адресе ландтага к барону Гану «крайне неуместными». Если у дворян были претензии к Валуеву, то им следовало обратиться конфиденциально к генерал-губернатору, «отнюдь не возбуждая об этом рассуждений на ландтаге», резюмировал Ланской²⁸.

²⁶ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Лл. 11 об.–12.

²⁷ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Лл. 17 об.–18.

²⁸ Там же. Л. 20.

В конце письма министр предлагал вариант разрешения конфликта: «По-сему, находя со своей стороны, что возникшие между губернским начальством и дворянством неудовольствия лучше бы погасить в самом начале, нежели доводить о том до высочайшего сведения, последствия коих будут, вероятно, не в пользу барона Гана, о долговременной и полезной службе которого ваша светлость неоднократно свидетельствовали, я имею честь наипокорнейше просить Вас, милостивый государь, силою представленной вам власти объяснить лично барону Гану и фон Руммелю неосновательность действий их и внушить им, чтоб они воздержались от подобных отступлений от закона»²⁹.

До высочайшего сведения конфликт, разумеется, был доведён. И реакция монарха была ровно такой, какой ожидал многоопытный министр внутренних дел. 15 марта 1857 г. последовал царский рескрипт на имя А.А. Суворова, в котором император, отметив «степень благоустройства и порядка, до которых доведено управление в Курляндской губернии», высказывал уверенность, что «столь удовлетворительное состояние управления Курляндией следует отнести к особенному усердию начальника сей губернии, камергера д. ст. сов. Валуева, успевшего благоразумными распоряжениями ... сохранить и упрочить порядок и устройство во всех частях вверенной ему губернии. За столь достохвальное служение д. ст. сов. Валуеву поручаю вам изъяснить ему особое моё благоволение» (Дневник графа... 1891: 78). Триумф Валуева был очевиден: 25 апреля 1857 г. барон Ган был вынужден подать в отставку (Губернии Российской империи 2003: 149).

Как можно оценить итоги этого конфликта? С одной стороны, они кажутся вполне очевидными: партия барона Гана была повержена, сам он оставил должность губернского предводителя, каковую занимал дольше всех в истории губернии (21 год). Губернатор П.А. Валуев, в свою очередь, укрепил позиции как на местном уровне (теперь у его противников не было столь авторитетного и опытного вожака, как барон Фёдор фон Ган), так и в Петербурге. Недаром и министр внутренних дел С.С. Ланской, и сам Александр II недвусмысленно заняли именно его сторону в конфликте с курляндцами. Интересно, что сам Валуев объяснял, что решился вообще возбудить эту борьбу с бароном Ганом, чтобы получить ответы на два вопроса: «До какой степени высшие власти способны и намерены усмотреть правду в местных делах, и до какой степени сильно влияние на эти власти здешних немцев, вертящихся в столице?» (Дневник графа... 1891: 78).

Стоит признать, что полученные ответы вышли весьма неоднозначными. Формальный победитель в схватке, курляндский губернатор П.А. Валуев в 1858 г. оставил свой пост, уйдя на повышение в Петербург: в начале 1859 г. он

²⁹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 88. Л. 20 об.

получил высокое назначение в Министерство государственных имуществ, откуда в апреле 1861 г. переместился в кресло министра внутренних дел, оставаясь в этой должности до 1868 г. А вместо него в Курляндию был поставлен тот самый И.Х. фон Бреверн, о назначении которого мечтал Ган. Курляндские бароны могли торжествовать: проиграв схватку, они выиграли сражение. Назначение фон Бреверна (который губернаторствовал в Курляндии в 1858–1868 гг.) означало возврат к привычному укладу жизни и к прежней модели политического управления, гарантировавшей дворянам почти полный контроль над всеми аспектами жизни края.

* * *

«Остзейский вопрос» в русской общественной жизни не исчез в последующие годы. То обостряясь, то вновь затухая, он будет тлеть до конца столетия (Исаков 1961: 27–28; Михайлова 2007: 164, 173). И, несмотря на усилия российских властей, полностью решить его так и не удастся – Прибалтийский край будет выделяться на политико-правовом пейзаже Российской империи. Связанные с остальной империей фактически только фигурой государя, остзейские губернии, по сути, оставались особой территорией со сформированными на ней немецкими и шведскими юридическими, политическими и даже бытовыми традициями³⁰. Европейский феодальный принцип политического устройства, по существу, одержал там победу над принципом московским, вотчинным.

В случае конфликта губернатора с местными элитами центральная власть, как это показано в статье, недвусмысленно вставала на сторону первого. При этом задача, стоявшая перед имперской администрацией, была двуединая: с одной стороны, поддержать полномочного представителя императора (губернатора) в сложившейся конфликтной ситуации. С другой стороны, сделать это было нужно по возможности осторожно, не вызывая острого недовольства местной аристократии. Страх сепаратизма был силен в столичных кабинетах, поэтому решительные меры по отношению к фрондирующим прибалтийским баронам были, по сути, исключены.

Об авторе:

Николай Алексеевич Могилевский – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: n.mogilevskiy@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

³⁰ Для иллюстрации последних прекрасно подходят рассказы Н.С. Лескова «Железная воля», «Александрит» и, в особенности, «Колыванский муж».

UDC: 94, 353
Received: April 30, 2022
Accepted: August 08, 2022

Provincial Administration and Local Nobility in Courland in the Middle of the 19th Century

N.A. Mogilevskii
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-60-80](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-60-80)

Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University)

Abstract: In the article, on the example of the conflict of the Courland governor P.A. Valuev with the Baltic nobility, happened in 1857, the legal status of the Baltic nobility in the Russian Empire is considered. The main issue considered in the work is the problem of the relationship between the imperial center and the national outskirts in the middle of the 19th century, which, in turn, is closely related to the results of the Northern War (1700-1721), which ended for Russia with a victory over Sweden and the annexation of the former part of the Swedish kingdom Estonia and Livonia. The local aristocracy received guarantees from the highest Russian authorities to preserve all privileges, which put it in a slightly different position than the nobility of the inner Russian provinces. Under Catherine II, when Courland was incorporated into Russia, these privileges were extended to the Courland barons. In the XIX century, under Nicholas I and Alexander II, all the "rights and liberties" of the Baltic nobles were also invariably confirmed. As a result, there was a situation in which the German barons considered themselves bound by personal obligations personally with the Russian monarch. This situation, typical of medieval feudal Europe, ran counter to the Russian patrimonial socio-political model, which irritated the Russian elite. The special position of the Courland nobility eventually led to a clash with the governor P.A. Valuev, who, acting within the framework of general imperial legislation, tried to establish general imperial orders in the province. Governor-General of the Baltic Region A.A. Suvorov, Interior Minister S.S. Lanskoy and Emperor Alexander II himself were involved in the clash. And although Valuev's position ultimately triumphed, and his opponent, Baron Gan, was forced to leave the post of Courland leader of the nobility, in general, this did not change the situation in any way. The model of "center-outskirts" relations considered in the article allows a deeper analysis of the difficulties that the local administration in the Baltic region faced when trying to unify the local administration system with the general imperial one. The main conclusion of the article can be considered the thesis that the Russian central government, represented by the governor and the governor-general, did not dare to drastically break the existing management model, in which the local elite (nobility) had a significant impact on the situation in the region. Courland, along with other Baltic provinces, remained a special territory in the political and legal landscape of the Russian Empire.

Keywords: Baltic Region, Courland, Valuev, Alexander II, privileges, Ostseje nobility, Suvorov

About the author:

Nikolai A. Mogilevskii – PhD (Historical science), Associate Professor, Associate Professor of the World and Patriotic history department of Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University), Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

E-mail: n.mogilevskiy@my.mgimo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Blok M. 2003. *Feodal'noe obshchestvo* [The Feudal Society]. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovy'x. 504 p. (In Russian)

Dnevnik grafa Petra Aleksandrovicha Valueva. 1847–1860 [Diary of Count Pyotr Alexandrovich Valuev. 1847–1860]. 1891. Russkaya starina. (In Russian)

Gubernii Rossijskoj imperii. Istoriya i rukovoditeli [Provinces of the Russian Empire. History and Leaders]. 1708 – 1917. 2003. Moscow. (In Russian)

Isakov S.G. 1961. *Ostzejskij vopros v russkoj pečati 1860-x godov* [The Ostzei Question in the Russian Press of the 1860s]. Tartu. 185 p. (In Russian)

Krasnyakov N.I. 2018. Nachal'ny'j e'tap inkorporacii pribaltijskix territorij v sostav Rossijskoj imperii [The Initial Stage of Incorporation of the Baltic Territories into the Russian Empire]. *Razvitie territorij*. 1(11). P. 6–10. (In Russian)

Leskov N.S. 1882. Irodova rabota. Russkie kartiny v Ostzejskom krae [Herod's work. Russian paintings in the Ostzei region]. *Istoricheskij vestnik*.

Mixajlova Yu.L. 2007. Osobennosti upravleniya Pribaltijskim kraem v 1860-x – 1870-x gg. v kontekste nacional'noj politiki Rossijskoj imperii [Features of the Management of the Baltic Region in the 1860s – 1870s in the Context of the National Policy of the Russian Empire]. *Imperskie i nacional'ny'e modeli upravleniya: rossijskij i evropejskij opyt. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow: IVI RAN. P. 164–173. (In Russian)

Mogilevskij N.A. 2021. «Dvoryane protivodejstvovali vsemu, čto prezhde imelo vliyanie, i samomu gubernatoru...»: konflikty' gubernskix vlastej i dvoryanstva v seredine XIX veka [“The Nobles Opposed Everything that had Influence, and the Governor Himself ...”: Conflicts of the Provincial Authorities and the Nobility in the Middle of the 19th Century]. *Vestnik MGPIU*. Seriya «Istoricheskie nauki». №2. P. 23–32. DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.42.2.02. (In Russian)

Ostzejskij komitet v Peterburge v 1856–57 gg. Iz vospominanij Pavla Antonovicha SHul'ca. 1915. *Golos minuvshego*. №2. (In Russian)

Pajps R. 1993. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Nezavisimaya gazeta. 424 p. (In Russian)

Samarin Yu.F. 1869. Okrainy' Rossii [The Outskirts of Russia]. Seriya pervaya: *Russkoe baltijskoe Pomor'e*. Ed.1. Berlin: Behr. X. 187 p. (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Rossiya i Evropa. Nachalo dialoga. Konec XV — XVI vv.* [Russia and Europe. The Beginning of the Dialogue. The End of the 15–16th Centuries]. Moscow: Akademicheskij proekt; izdatel'stvo «Kul'tura». 438 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Блок М. 2003. *Феодальное общество*. Москва: Издательство им. Сабашниковых. 504 с.

Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. 2003. Москва
Дневник графа Петра Александровича Валуева. 1847–1860. 1891. *Русская старина*. №7. С. 76.

Исаков С.Г. 1961. *Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов*. Тарту. 185 с.

Красняков Н.И. 2018. Начальный этап инкорпорации прибалтийских территорий в состав Российской империи. *Развитие территорий*. 1(11). С. 6–10.

Лесков Н.С. 1882. Иродова работа. Русские картины в Остзейском крае. *Исторический вестник*. Т.8. С. 199.

Михайлова Ю.Л. 2007. Особенности управления Прибалтийским краем в 1860-х – 1870-х гг. в контексте национальной политики Российской империи. *Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт*. Сб. материалов Международной научной конференции. Москва: ИВИ РАН. С.164–173.

Могилевский Н.А. 2021. «Дворяне противодействовали всему, что прежде имело влияние, и самому губернатору...»: конфликты губернских властей и дворянства в середине XIX века. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»*. № 2. С. 23–32.

Остзейский комитет в Петербурге в 1856-57 гг. Из воспоминаний Павла Антоновича Шульца. 1915. *Голос минувшего*. №2.

Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. Москва: Независимая газета. 424 с.

Самарин Ю.Ф. 1869. Окраины России. Серия первая: *Русское балтийское Поморье*. Вып. 1. Berlin: Behr. X. 187 с.

Черникова Т.В. 2019. *Россия и Европа. Начало диалога. Конец XV—XVI вв.* Москва: Академический проект; издательство «Культура». 438 с.